

Д. О. Добровольский

Корпус параллельных текстов в исследовании культурно- специфичной лексики¹

Описание построения и задачи корпуса параллельных текстов (КоПарТ) в исследовании культурно-специфичной лексики. В работе описаны принципы построения и задачи корпуса параллельных текстов (КоПарТ), входящего в качестве самостоятельного модуля в Национальный корпус русского языка, описаны в наших предыдущих публикациях; ср. [Добровольский, Кретов, Шаров 2005]. Здесь хотелось бы лишь отметить, что КоПарТ постоянно пополняется новыми текстами. Это касается как русско-английской, так и англо-русской части. В стадии подготовки находится немецко-русский корпус, включающий следующие произведения:

1.

принципы построения и задачи корпуса параллельных текстов (КоПарТ), входящего в качестве самостоятельного модуля в Национальный корпус

русского языка, описаны в наших предыдущих публикациях; ср. [Добровольский, Кретов, Шаров 2005]. Здесь хотелось бы лишь отметить, что КоПарТ постоянно пополняется новыми текстами. Это касается как русско-английской, так и англо-русской части. В стадии подготовки находится немецко-русский корпус, включающий следующие произведения:

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Пополнение и развитие корпуса параллельных текстов» (программа ОИФН РАН «Русский язык, литература и фольклор в информационном обществе: формирование электронных научных фондов») при поддержке РГНФ (грант 08-04-00173а) и программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

- Г. фон Клейст. «Михаэль Кольхаас»;
 Э. Т. А. Гофман. «Золотой горшок»; «Крошка Цахес»; «Щелкунчик
 и Мышиный Король»
 Ф. Кафка. «Процесс»;
 Т. Манн. «Волшебная гора»;
 Г. Гессе. «Сиддхарта»;
 Э.-М. Ремарк. «Черный обелиск»;
 Г. Бёлль. «Глазами клоуна»;
 П. Зюскинд. «Парфюмер»;
 М. Энде. «Момо».

Частично немецко-русский параллельный корпус уже доступен в режиме online.

2. Понятно, что корпуса параллельных текстов могут использоваться с самыми разными целями. Наиболее интересные результаты могут быть, очевидно, получены в теории перевода и в различных разделах сопоставительного языкознания (ср. [Андреева 2006; Добровольский 2003; 2004; Михайлов 2002; 2005; Bowker 2000; Varadi, Kiss 2001]). Причем из всех возможных сопоставительных задач—по крайней мере на данной стадии разработки КоПарТ—предпочтение отдается задачам контрастивно-лексикологическим. Поскольку для поиска конкретных словоформ в корпусе не требуется никакой специальной разметки, задачи из области лексической семантики могут решаться и с помощью корпусов, еще не прошедших этап морфо-синтаксического аннотирования.

Исследование лексических единиц разных языков, традиционно считавшихся эквивалентными, с опорой на КоПарТ часто позволяет выявить ряд нетривиальных семантических различий. Так, в [Добровольский, Левонтина в печати] было показано, что у русского слова *нет* есть специфические значения, которые отсутствуют у немецкого слова *nein*. Ср.—*Вы опоздали. И юбка у вас слишком коротка.—Нет, а юбка-то здесь причем?—Sie kommen zu spät! Und Ihr Rock ist definitiv zu kurz.—*Nein, was hat denn mein Rock damit zu tun?* Обращение к параллельным корпусам показало, в частности, что приимперативное *нет* более типично для русского языка; ср. *Halt, warte!—Нет, подожди, постой!* (Т. Манн. Волшебная гора). Анализ

подобных примеров позволил сделать вывод, что русское *net* может быть связано как с диктумом, так и с модусом высказывания, в то время как немецкое *nein* в целом более тесно связано с диктумом, с пропозицией [Добровольский, Левонтина в печати].

В известном смысле безэквивалентной (или не полностью эквивалентной) оказывается чуть ли не вся непредметная лексика. Причины этого очевидны: если денотат некоторого слова не привязан к миру физических сущностей, его значение отсылает к определенному ментальному конструктору. Поскольку нет никаких оснований предполагать, что концептуальные структуры, фиксированные в лексике разных языков, должны совпадать, неудивительно, что соответствующие слова не имеют полных эквивалентов, т.е. оказываются, в строгом смысле, лингвоспецифичными. Приведем пример.

В [Добровольский, Падучева 2008] было показано, что в немецком языке есть огромное количество слов с пространственно-дейктическими элементами *her* ($\approx$ 'сюда') и *hin* ($\approx$ 'туда'), выражающими идею направления движения. Слова *hin* и *her* употребляются также и самостоятельно в различных комбинациях с глаголами и адвербиальными конструкциями для выражения пространственных отношений между участниками ситуации. В русском языке нет таких системно организованных (т.е. почти грамматических) средств для выражения соответствующих дейктических смыслов. Так, глаголы *hereinführen* и *hineinführen* оба переводятся на русский язык с помощью глаголов *вводить* / *ввозить*, так что идея 'вводить/ввозить сюда, т.е. по направлению к говорящему' vs. 'вводить/ввозить туда, т.е. по направлению от говорящего'² в русском языке часто вообще не выражается.

Подобные случаи отсутствия полной эквивалентности обусловлены особенностями языковой структуры. В этом смысле они интересны в первую очередь с точки зрения сопоставления языковых систем и отражения соответствующих несовпадений в организации дискурса. Встречаются, однако, случаи межъязыковых расхождений, которые обусловлены совсем другими причинами. Имеются

² Точнее 'по направлению к говорящему или к лицу, точку зрения которого принимает говорящий' vs. 'по направлению от говорящего или от лица, точку зрения которого принимает говорящий'. Ср. [Добровольский, Падучева 2008].

в виду лексические единицы, непереводаемость которых основывается на их культурной специфике. Явления такого рода исследуются, в частности, в известных работах А. Вежбицкой. Из работ других авторов ср. [Тер-Минасова 2000; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Сущностное отличие чисто лингвоспецифичных явлений от явлений культурно-специфичных состоит в том, что системно обусловленные межъязыковые расхождения, как правило, могут быть разрешены на уровне текста или даже отдельного высказывания³, в то время как культурно обусловленные различия ставят переводчика перед необходимостью выбора решения, в любом случае ведущего к тем или иным информационным потерям.

3. Объектом исследования в данной статье являются особенности некоторых русских обращений в сопоставительном аспекте. В качестве источников эмпирического материала использованы материалы Национального корпуса русского языка (в частности КоПарТ), а также корпус параллельных текстов ААС—Austrian Academy Corpus Австрийской академии наук в Вене.

Форма обращения часто довольно много говорит о речевой ситуации, в частности о возрасте, социальном статусе участников, отношениях между ними, а также о соответствующей эпохе. Ср. такие обращения, как *эй, женщина!* и *милостивая государыня!* Здесь нас прежде всего интересуют обращения типа *брат, браток, матушка, мамаша, папаша, отец, мать, бабуся, дед, дочка, сынок*, т.е. обращения, во внутренней форме которых содержится идея родственных отношений. Понятно, что эти обращения могут использоваться и в своей первичной функции, когда, например, обращаясь к сыну, говорящий использует форму *сынок*. Культурно-специфичными являются, естественно, не эти—первичные—употребления, а контексты, в которых подобные обращения используются по отношению

³ В связи с этим встает вопрос соотношения двух (обычно плохо различаемых) категорий: межъязыковой эквивалентности лексических единиц на системном уровне (например, как она представлена в двуязычном словаре), с одной стороны, и функциональной эквивалентности этих же единиц как элементов конкретного текста—с другой. В первом случае мы имеем дело с категорией сопоставительной лексикологии (контрастивной лексической семантики), а во втором—с категорией теории перевода или сопоставительной лингвистики текста.

к «неродственникам». Ср. *Далеко ли, братишка, до берега?* или *А где здесь мебельный, дочка?*

Все эти лексемы можно разделить на две довольно четко противопоставленные группы:

- (а) современные, социально маркированные и
- (б) устаревшие формы обращения.

Ср. контексты (1–6), с одной стороны, и (7–10)—с другой.

- (1) В наш двор <...> стали заходить бодрые, жизнерадостные компании.—А чо, *папаша*,—дружески обращались они к деду, усаживаясь за столик у крыльца веранды,—давай, не жмись, подваливай сюда! Закусон тоже наш! Звенели стаканы. Дед, выжимая бессильную улыбку, уходил к сараю и там плакал. (М. Палей. «Поминование»)
- (2) Вера Максимовна отступила вглубь зала, постояла с минуту и тихо вышла. Незвестный мужчина догнал ее у двери и протянул булку хлеба в полиэтиленовом пакете.—Ты бы просто попросила, *мамаш*. Понимаю. А кому сейчас легко?—он усмехнулся, от него пахло пивом. (А. Маслов. «Химера»)
- (3) Подержи-ка, *сынок*, нашу лодочку, а я молоточком пройдуся, материю набью. (О. Павлов. «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней»)
- (4) —Спасибо, очень хорошее вино,—поблагодарила Таня, вернув стакан. Пьянчужка встрепенулась:—Ты ня пей вина, *дочка*. Говор у неё был не московский, с сильным «я» вместо «е». (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света»)
- (5) Но ранним утренним часом у широкого мраморного крыльца (куда позже арестантов уже не пускали) один простецкий зэк, косолапый слесарь, столкнулся с новичком лицом к лицу.—Ну, *браток*,—толкнул он его в грудки,—откуда? На чём погорел? Садись, покурим. Но приезжий в брезгливом ужасе отшатнулся от слесаря. (А. Солженицын. «В круге первом»)
- (6) Я сейчас наберу номер, а вы скажете в трубку вот эти слова.—Она протянула ему листок с текстом.—Читать умеете?—Обижаешь, *сестренка*,—приосанился нищий,—я кандидат наук. (Е и В. Гордеевы. «Не все мы умрем»)
- (7) А ведь ты у меня на руках родился, пострел эдакой! Ну, да это все равно; где тебе было обо мне вспомнить! Только ты умница, что приехал. А что, *мать моя*,—прибавила она, обращаясь к Марье Дмитриевне,—угостила ты его чем-нибудь?—Мне ничего не нужно,—поспешно проговорил Лаврецкий.—Ну, хоть чаю напейся, *мой батюшка*. Господи боже мой! (И.С. Тургенев. «Дворянское гнездо»)

- (8) Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, *отец мой*, сердце так и замрет! (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»)
- (9) Костыль вертелся на стуле и толкал соседей локтями, мешал говорить, и то плакал, то хохотал. - Деточки, деточки, деточки... — бормотал он быстро. — Аксиньюшка-*матушка*, Варварушка, будем жить все в мире и согласии, топорики мои любезные... (А. П. Чехов. «В овраге»)
- (10) — Да мы разве не уважаем тебя? — сказал старик. — Нам тебя нельзя не уважать, потому мы у тебя в руках; ты из нас веревки выешь. — Ну, *брат*, вас не обидишь; вы бы не обидели. (Л. Н. Толстой. «Воскресение»)

Достаточно очевидно, что инвентарь обращений группы (а) и группы (б) не совпадает. Для группы (а) характерны такие формы обращений, как *мамаша*, *папаша*, *мать*, *отец*,⁴ *браток*; как несколько устаревающие воспринимаются формы *сын*, *дочка*, встречающиеся сегодня только в речи весьма пожилых людей; ср. (II).

- (II) Бабка (с живостью): Да я уж отплачу, *доченька*, я уж отплачу. Отработаю, довольна будешь. (Е. Хаяцкая. «Синие стрекозы Вавилона»)

Таким образом, здесь работает не только временная динамика, но и социально-возрастные факторы. Маркированными в этом смысле оказываются также формы *бабушка*, *дедушка*, *тетя*, *дядя*, характерные для речи детей (ср. контекст 12, хотя они возможны и в крайне просторечном дискурсе взрослых: например, *Садитесь, бабушка!; Куда ты прешь, дядя?!*).

- (12) Но турникет ей пройти не удалось, потому что не было денег, и Натка подошла к какой-то пожилой женщине и попросила: — *Тетенька*, можно, я как будто с вами? Женщина посмотрела на ее мокрые тапки, потом — на зареванное, тоже мокрое лицо и сказала: — Что с тобой, девочка... обидел кто-нибудь? (И. Безладнова. «Такая женщина»)

⁴ Интересно, что современно-просторечным формам *мать* и *отец* в норме противопоставлены формально близкие обращения *мать моя* и *отец мой*, относящиеся к группе (б). Последние обращения, хотя и встречаются в литературе XX века, воспринимаются либо как принадлежащие культуре предшествующих эпох, либо как несколько устаревшие варианты просторечных *мать*, *отец*: — *Пели-то хорошо. Да мне, мать моя, плохо. Опять колотье и тут и тут. Везде. Вот какой грех.* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); *Всю дорогу он хвалил Александру Сергеевну. — Ну и поешь же ты, мать моя! — говорил он. — Спасибо тебе, товарищ певица. От всех ребят спасибо.* (А. Пантелеев. «Ленька Пантелеев»).

Хотя все обращения группы (а) могут быть охарактеризованы как просторечные, они до известной степени разнородны в социальном отношении. Ср. формы *братан*, *брательник* и—возможно, в меньшей степени *братишка*—характерные для представителей социальных низов; ср. (13) и (14).

- (13) Выслушав через переводчика предложение канадской стороны, тот буркнул что-то вроде «заметано» и принялся доставать из карманов широченных штанин пачки долларов, перехваченные аптечной резинкой: «Какой там банк, какой контракт, меньше бюрократии, больше бабок, *братан...*» Таким был первый опыт дебюрократизации нашей экономики. (Б. Грищенко. «Посторонний в Кремле»)
- (14) Слышь, *братишка*, всех их сразу-то не пореши,—хохотнул ему вслед Крюков. (Д. Быков. «Орфография»)

Заметим попутно, что б р а т-обращения отличаются особенной социально-временной разнородностью. В то время как *браток*, *братишка*, *братан*, *брательник* однозначно относятся к группе (а), а *брат*—к группе (б) (см. подробнее раздел 4), обращение *братец* осциллирует между (а) и (б). Ср. контексты (15), с одной стороны, и (16)—с другой.

- (15) а. Послушай, *братец*,—спросил у него штабс-капитан,—чья эта чудесная коляска? (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»); б. Скажи, *братец*, какую девушку держишь ты у себя под караулом? (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»); в. За работу же, *братцы!* (Н. В. Гоголь. «Тарас Бульба»)
- (16) а. Единственный, кто говорил со мной откровенно, был сосед по койке, тоже «газовик», как нас тогда называли. «Помрём мы с тобой, *братец*, как пить дать помрём, а жить-то до чего охота!» (И. Грекова. «Перелом»); б. Михайлов медлительно обдумывает это и облизывает губы. Плохо, *братец*. Не дойдём, *братец*. Ну так доползём... Он сидит на ступеньках лестницы в подъезде своего дома, сползший вдруг вдоль стены и обмякший. (В. Маканин. «Отдушина»)

Обращения группы (б)—это, в первую очередь, *матушка*, *батьюшка*, *батенька*, *мать моя*, *отец мой*, *брат*. Некоторая временная динамика наблюдается и внутри этой группы. Так, если обращения типа *матушка*, *батьюшка* ассоциируются в сознании современных носителей языка с миром романов русской классической литературы XIX века, то *батенька* вызывает прежде всего ассоциации с анекдотами про Ленина (17), а также с речью чеховских perso-

нажей (18) или с шутливой имитацией старомодного врачебного дискурса (19).

- (17) а.—Правда ли, что установят памятник Ленину на коне?—Это бред, *батенька*, любая нормальная лошадь будет соскальзывать с броневичка... (Н. Баяндина. «Хождения по мукам бронзового Ленина»); б. <...> это очень, знаете ли, по-ленински: приезжайте к нам, *батенька*, через десять лет <...> («Криминальная хроника», 2003.06.10); в. Касательно кино дедушка Ленин был совершенно прав—архиважнейшее, *батенька*, искусство... (М. Колодочкин. «Как два тумана»); г.—Да вы, *батенька*, просто кремлевский мечтатель!—покачал головой Балуев.—Боец невидимого фронта. (Н. Леонов, А. Макеев. «Ментовская крыша»); д. Запомните, *батенька*: законность относится к числу архиважнейших признаков социализма. (В. Войнович. «Монументальная пропаганда»)
- (18) а. Нынче, *батенька*, двенадцатилетняя девчонка норовит уже иметь любовника, и все эти любительские спектакли и литературные вечера придуманы для того только, чтобы легче было подцепить богатого кулака и пойти к нему на содержание... (А. П. Чехов. «В усадьбе»); б.—Дайте мне только в Москву съездить! У меня будут такие фильтры и всякие научные усовершенствования, что вы с ума посойдете, одним словом. Науку, *батенька*, нельзя игнорировать. Не-ет! (А. П. Чехов. «История одного торгового предприятия»); в.—Что-с? У вас в Петербурге холодно? А у нас тут, *батенька* мой, благорастворение воздушных и изобилие плодов земных. (А. П. Чехов. «Именины»)
- (19)— Да, *батенька*, вы страдаете от комплекса неполноценности.—Да нет, доктор, это было бы всё ещё ничего, только вот комплекс этот у меня какой-то не очень полноценный... (Из коллекции Ю. Дейнекина)

Обращения группы (б) раньше обладали, видимо, определенной социальной окрашенностью, которая сегодня, однако, уже не вполне ощущается. Доминирующая сегодня черта—это их принадлежность миру некоторых—легко отождествляемых—текстов, т.е. определенному типу дискурса или (по М. М. Бахтину) речевому жанру.

Переход от обращений группы (б) к использованию обращений группы (а) связан, по-видимому, с социальными переворотами первой половины XX века (революцией и последующим переструктурированием российского общества). Эти вопросы, сами по себе заслуживающие внимания как с социолингвистической, так и с диахронической точки зрения, здесь обсуждаться не будут. Наиболее интересным с точки зрения культурной специфики представляется

вопрос, почему при полной смене парадигмы обращений, тем не менее, сохранилась лежащая в их основе языковая и концептуальная модель. С лингвистической точки зрения эта модель описывается как использование терминов родства в функции обращения к знакомым (или даже незнакомым) людям, которые не находятся с говорящим в соответствующих родственных отношениях. Коррелирующая концептуальная модель может быть приблизительно описана следующим образом: «я обращаюсь к тебе, как если бы мы были родными». Важно, что интенция говорящего может быть при этом весьма агрессивной, что опять-таки объясняется обращением к данной концептуальной модели: как известно, отношения между родственниками могут быть достаточно напряженными.

Все эти формы обращений являются культурно-специфичными и представляют, соответственно, серьезные проблемы для перевода и лексикографического описания. Когда мы говорим о культурной специфичности того или иного явления языка, необходимо объяснить, что конкретно имеется в виду, поскольку данный термин используется в лингвистических работах в весьма различных значениях и, как правило, не слишком строго. В [Добровольский 1997] предложено различать два подхода к изучению культурной специфики лексических единиц:

- сопоставительный и
- интроспективный подход.

При всей своей условности такое разграничение оправдано тем, что при сопоставительном анализе одним из важнейших критериев оказывается возводимость установленных межъязыковых различий к специфике соответствующих культур (в семиотическом смысле), в то время как интроспективный подход предполагает обращение к интуиции носителей языка, характеризующих некоторые явления как «свои и только свои». При сопоставительном подходе некоторое явление может быть охарактеризовано как культурно-специфичное относительно какого-то другого языка, в то время как при интроспективном подходе решающими являются внутриязыковые характеристики данного явления.

Исследуемые здесь обращения являются специфичными и в том и в другом смысле. С интроспективной точки зрения они специфичны, поскольку мы явственно ощущаем их принадлежность

к определенному культурно значимому слою лексики. А с сопоставительной точки зрения они специфичны в силу отсутствия в европейских языках, традиционно привлекаемых для контрастивного анализа, коррелирующих форм обращения. Так, в немецком языке из подобных «родственных» форм могут реально использоваться только *Tante* и *Onkel* при обращении маленьких детей к незнакомым взрослым.

4. В данном разделе на примере формы обращения *брат* мы попытаемся выяснить, какими возможностями располагают немецкий и английский языки для перевода культурно-специфичных русских обращений группы (б). Материалом исследования послужил роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и его немецкие переводы (русско-немецкий корпус параллельных текстов, созданный в рамках исследовательской программы «Корпус Австрийской Академии»), а также «Капитанская дочка» А. С. Пушкина (перевод: М. де Зелинска) и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (перевод: Дж. Уиздом и М. Мюррей) из русско-английского КоПарТ НКРЯ. Из существующих переводов романа «Идиот» для включения в корпус были отобраны три: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э. К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX века и затем многократно переиздававшийся.

Рассмотрим сначала функционирование обращения *брат* в русско-немецком КоПарТ. Всего эта форма обращения встречается в романе 24 раза (из них 21 раз в «чистом виде» и 3 раза в комбинации с именем или титулом: *брат Парфен*, *брат князь*). Что касается этих последних случаев, мы остановимся на них несколько ниже.

Возможности перевода этого обращения на немецкий язык весьма разнообразны, хотя и небезграничны; см. таблицу 1.

Таблица 1.

Geier: Freund, O, mein Lieber, mein Bester, Freundchen, du..., O, mein Lieber, mein Lieber, mein Lieber, mein Lieber, O, mein Lieber, mein Lieber, Bruder, mein Lieber, mein Lieber, mein Guter, O, O, Bruder;

Herboth: Bruder, mein Lieber, Verehrtester, mein Lieber, mein Lieber, mein Lieber, mein Lieber, Bruder, Bruder, Bruder, Bruder, O,

mein Lieber, mein Freund, Bruder, Bruder, Bruder, Bruder, Bruder, Bruder, Bruder;

Rahsin: Freund, mein Freund, Freund, mein Lieber, 0, Bruder, 0, Freund, Freund, 0, Bruder, Freund, Freund, 0, Bruder, mein Freund, mein Bester, mein Freund, Bruder, Bruder, Bruder.

Пояснения к таблице 1: Немецкие эквиваленты формы обращения *брат* сгруппированы по трем рассматриваемым здесь переводам и расположены в порядке следования соответствующих контекстов в романе. «0» означает отсутствие обращения в немецком тексте.

В количественном отношении доминируют переводы, лишенные «родственных» коннотаций, которые в тексте оригинала безусловно несут определенную культурно значимую информацию (ср. пример 20).

(20) — А я, *брат*, продолжаю не постигать, — задумчиво заметил генерал, несколько вскинув плечами и немного расставив руки. [*Достоевский*] «Und ich, *mein Lieber*, kann es immer noch nicht begreifen», bemerkte der General nachdenklich, indem er die Schultern leicht anhub und die Arme spreizte <...>. [*Geier*] «Ich begreife das nicht, *Verehrtester*», sagte der General nachdenklich, wobei er die Schultern hob und leicht die Arme ausbreitete. [*Herboth*] «Tja, *Freund*, ich begreife wahrhaftig nicht!» sagte der General, indem er mit gehobenen Schultern die Hände ausbreitete und wieder sinken ließ. [*Rahsin*]

Каждый из предложенных в (20) переводов фокусирует какой-то один из семантических компонентов, содержащихся в русском *брат*. Так, форма *mein Lieber*, встречающаяся в речи пожилых людей еще и сегодня, звучит несколько покровительственно (ср. русское *дорогой мой*). *Verehrtester* ($\approx$ *почтеннейший*) — явно устаревшее обращение и в этом смысле хорошо передает временные характеристики русского выражения, сохраняя ощущение эпохи, но идеи социальной и эмоциональной близости, своего рода равенства между участниками ситуации при этом теряются. Обращение *Freund* (*друг*) встречается как в произведениях XIX века, так и в современных текстах довольно редко и, с этой точки зрения, не отражает прагматические характеристики русского обращения *брат*, достаточно широко функционировавшего в XIX веке. Интересна форма обра-

щения *Freundchen* (ср. русское *дружочек*), использованная С. Гайер в (21). Эта форма явственно фокусирует агрессивные интенции говорящего, что очень хорошо отражает иллокутивную составляющую данной реплики Рогожина.

- (21) Я и теперь тебя за деньги приехал всего купить, ты не смотри, что я в таких сапогах вошел, у меня денег, *брат*, много, всего тебя и со всем твоим живьем куплю... захочу, всех вас куплю! [*Достоевский*]
 Und jetzt bin ich mit Geld gekommen, um dich mit Haut und Haaren zu kaufen, an meinen Stiefeln brauchst dich nich' zu stören, ich hab' Geld, sehr viel Geld, *Freundchen*, und werd' dich samt deinem ganzen Anhang kaufen... wenn ich will, kauf ich euch, samt und sonders! [*Geier*]
 Ich bin auch jetzt hier, um dich zu kaufen, denk nicht, weil ich in solchen Stiefeln komme, hätte ich kein Geld – nein, *mein Lieber*, ich habe Geld, viel Geld, ich kann dich kaufen samt deinem Anhang... Euch alle kaufe ich, wenn ich will! [*Herboth*]
 Ich bin jetzt auch gekommen, um dich für Geld zu kaufen, Leib und Seele kaufe ich dir ab; du, sieh nicht darauf, daß ich mit solchen Stiefeln hereingekommen bin, ich hab' jetzt viel Geld, *Bruder*, kaufe dich mitsamt deinem ganzen Leben... wenn ich will, kauf ich euch alle! [*Rahsin*]

Далее, хотелось бы обратить внимание на использование буквального перевода—*Bruder* в версии Э. К. Разин в (21). Это способ перевода, следующий—в отличие от всех прочих—принципам так называемой «стратегии формы», а не «стратегии смысла» (подробнее см. Добровольский 2007). В ряде случаев этот способ перевода оказывается весьма удачным. Как видно из таблицы 1, выражение *Bruder* используют и другие переводчики, причем Х. Хербот весьма часто. Что касается контекста (21), здесь наиболее значимым представляется сохраненное в переводе С. Гайер ощущение агрессивного настроения Рогожина, в то время как нарочитая «русскость» формы *Bruder* в этом случае не навязывается условиями контекста. Целесообразность использования этой формы особенно хорошо выявляется в тех редких случаях, когда все три переводчика предпочли именно эту—весьма и весьма экзотичную с точки зрения культуры немецкоязычных стран—форму; ср. (22).

- (22) Потому оно, *брат*,—начал вдруг Рогожин, уложив князя на левую, лучшую подушку и протянувшись сам с правой стороны, не раздеваясь и закинув обе руки за голову,—ноне жарко, и, известно, дух. [*Достоевский*]

«Weil's, *Bruder*», begann Rogoschin plötzlich, nachdem er den Fürsten auf das beste Kissen links gebettet und sich selber, in Kleidern, beide Arme unter dem Kopf verschränkt, zu seiner Rechten ausgestreckt hatte – «heut heiß is' un', man weiß es ja, stinken wird. <...>» [*Geier*]

«Bei solcher Hitze wie heute, *Bruder*», begann Rogoschin plötzlich, nachdem er den Fürsten auf die linke, bessere Unterlage gebettet und sich selbst, ohne sich auszukleiden, auf der rechten ausgestreckt und beide Hände unter den Kopf geschoben hatte, «da riecht es ja schnell. <...>» [*Herboth*]

«Denn sieh, *Bruder*», begann plötzlich wieder Rogoschin, nachdem er den Fürsten zur Linken auf den besseren Kissen gebettet und sich selbst zur Rechten hingestreckt hatte, indem er beide Hände unter den Kopf schob, «bei der Hitze, weißt du, geht das schneller. <...>» [*Rahsin*]

Контекст (22) относится к одному из самых эмоционально напряженных эпизодов романа—когда после убийства Настасьи Филипповны Рогожин позвал к себе князя Мышкина. Вполне допустимым представляется предположение, что в данной ситуации Рогожин употребляет по отношению к князю слово *брат* не только и не столько в значении конвенционального обращения, сколько выражая этим как бы братские чувства, испытываемые к нему в данный момент. Очевидно, выбор формы *Bruder* в качестве перевода мотивирован здесь именно этими соображениями. Интересно отметить также, что в большинстве контекстов, в которых переводчики выбрали *Bruder* в качестве эквивалента обращения *брат*, говорящим является Рогожин; см. таблицу 2.

Таблица 2.

- 1: Freund / Bruder / Freund (Рогожин)
- 2: 0 / mein Lieber / mein Freund
- 3: mein Lieber / Verehrtester / Freund (генерал Иволгин)
- 4: mein Bester / mein Lieber / mein Lieber (генерал Иволгин)
- 5: Freundchen / mein Lieber / 0 (Рогожин)
- 6: du / mein Lieber / Bruder (Рогожин)
- 7: 0 / mein Lieber / 0
- 8: mein Lieber / Bruder / Freund (Рогожин)
- 9: mein Lieber / Bruder / Freund (Рогожин)
- 10: mein Lieber / Bruder / 0 (Рогожин)
- 11: mein Lieber / Bruder / Bruder (князь)
- 12: weißt du / 0 / Weißt du, Freund (князь)

- 13: mein Lieber / mein Lieber / Freund
 14: mein Lieber / mein Freund / 0 (генерал Иволгин)
 15: Bruder / Bruder / Bruder (Рогожин)
 16: mein Lieber / Bruder / mein Freund (Рогожин)
 17: mein Lieber / Bruder / mein Bester (генерал Иволгин)
 18: mein Guter / Bruder / mein Freund
 19: 0 / Bruder / Bruder (Рогожин)
 20: 0 / Bruder / Bruder (Рогожин)
 21: Bruder / Bruder / Bruder (Рогожин)

Пояснения к таблице 2: Немецкие эквиваленты формы обращения *брат* сгруппированы по контекстам оригинала в порядке их следования и расположены внутри каждой пронумерованной позиции соответственно трем рассматриваемым здесь переводам: Geier / Herboth / Rahsin. «0» означает отсутствие обращения в немецком тексте. В скобках—там, где это содержательно значимо—приводится указание на персонаж, в речи которого использовано данное выражение.

Типичность использования обращения *Bruder* в речи Рогожина мотивирована, видимо, представлением о социальной маркированности формы *брат* в русском языке. Такое ощущение действительно в какой-то степени присутствует у носителей современного русского языка. Однако оно не вполне верно. Как показал анализ контекстов, это обращение используют не только представители малообразованных слоев общества, но и, например, генерал Иволгин (20) и князь Мышкин (23); ср. также позиции 3, 4, 11, 12, 14, 17 в таблице 2.

- (23) Я, *брат*, тогда под самым сильным впечатлением был всего того, что так и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я в ней прежде не понимал <...> [Достоевский]
 Ich stand damals, weißt du, unter dem gewaltigen Eindruck all dessen, was mich in Rußland einfach überflutete; nichts hatte ich früher davon verstanden <...> [Geier]
 Auf mich machte das, was da an typisch Russischem förmlich auf mich niederprasselte, einen tiefen Eindruck, denn ich weiß ja von früher nichts mehr <...> [Herboth]
 Weißt du, *Freund*, ich war damals noch so unter dem Einfluß all der

Eindrücke, die hier in Rußland auf mich eingestürmt waren, daß ich mitunter glaubte, sie würden mich erdrücken. [Rahsin]

Остановимся кратко на случаях употребления обращения *брат* в комбинации с именем или титулом. В романе встречаются три контекста такого рода. В двух из них это выражение *брат Парфен* (в речи князя Мышкина), переводимое, как правило, с опущением первого компонента: *weißt du, Parfen*, или *lieber Parfen*, или просто *Parfen*. Форма *Bruder Parfen* встретила только один раз в переводе Х. Хербота. В контексте, где комбинированная форма обращения встречается в речи Рогожина (*брат князь*), в качестве эквивалентов предлагаются выражения *mein lieber Fürst* [Geier], *Bruder Fürst* [Herboth] и *Bruder* [Rahsin]. Это подтверждает сложившееся впечатление, что форму *Bruder* переводчики чаще используют при передаче особенностей прямой речи Рогожина. Тенденция к опущению слова *брат* (или его замены другим выражением) в переводе комбинированных обращений прослеживается и на материале английской версии «Героя нашего времени»; ср. (24).

- (24) —Ну, *брат Грушницкий*, жаль, что промахнулся!—сказал капитан,—теперь твоя очередь, становись! [Лермонтов]
«Well, my dear Grushnitski, it is a pity that you have missed!» said the captain, «now it is your turn, take your stand.» [Wisdom, Murray]

Рассмотрим способы перевода обращения *брат* в «чистом виде» на английский язык. Ср. контексты (25) из «Капитанской дочки» и (26) из «Героя нашего времени».

- (25) а.—Что, *брат*, прозяб? [Пушкин] «Well, are you cold?» [de Zielinska]; б.—С дамою! Где же ты ее подцепил? Эге, *брат*! [Пушкин] «A lady! where did you fish her out?» [de Zielinska]; в. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Все это, *брат*, хорошо; одно не хорошо; зачем тебя черт несет жениться?» [Пушкин] He shook his head: «That's all very well; but why will you marry?» [de Zielinska]; г. «Ты, *брат*, востер»,—сказал он мне нахмурясь;—«но видали мы и не таких!» [Пушкин] «You are a bold fellow,» said he, frowning; «but we have seen others like you.» [de Zielinska]
- (26) а.—Да, *брат*, Бог знает когда мы отсюда уедем! [Лермонтов] «Yes, my friend; goodness only knows when we shall get away!» [Wisdom, Murray]; б.—Я встретил сегодня черноморского урядника, он мне знаком—был прошлого года в отряде, как я ему сказал, где мы остановились, а он

мне: «Здесь, *брат*, нечисто, люди недобрые!» [Лермонтов] I met an under-officer from the Black Sea today—he's an acquaintance of mine—he was in my detachment last year; when I told him where we were staying, he said, «That place is uncanny, *old fellow*; they're wicked people there!» [Wisdom, Murray]

Как видно из этих примеров, форма обращения *брат* либо не переводится вообще (25), либо переводится с помощью лишенных «родственных» коннотаций выражений *my friend* и *old fellow*. Весьма сходным образом переводится на английский язык и обращение *братец*; ср. (27).

(27) а.—Эх, *братец*! [Лермонтов] «Ah, *my dear fellow*. » [Wisdom, Murray];
б.—Дурак же ты, *братец*, —сказал он, —пошлый дурак! [Лермонтов]
«You are a fool, then, *my friend*», he said: «a common fool. » [Wisdom, Murray]

Заметим, что ни в одном из зафиксированных в русско-английском КоПаРТ нкря контекстов с формой *брат* или *братец* буквальный перевод не встретился. Это позволяет предположить, что обращения типа *brother* для английского языка еще более экзотично, чем *Bruder* для немецкого. Если последнее еще как-то можно использовать для придания тексту перевода национального колорита, то употребление слова *brother* в качестве обращения (когда адресат не является братом говорящего или членом монашеского ордена), видимо, воспринимается как полное нарушение коммуникативных норм. Естественно, это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

5. В заключение отметим, что продолжение этой линии исследований позволит продвинуться сразу в нескольких направлениях. Во-первых, мы обогатим наши представления о функционировании русских культурно-специфичных лексем в разные эпохи и, соответственно, о динамике кодов русской культуры. Во-вторых, подобные штудии выявляют едва осознаваемые межкультурные различия и способы их языковой манифестации. В-третьих, описание приемов, используемых при переводе подобных языковых выражений на языки «иных культур», способствует развитию теории перевода. И наконец, у исследований такого плана имеется и чисто лингвистический—контрастивно-лексикологический и лексико-

графический—аспект. Понятно, что слова типа *брат, отец, мать, папаша, мамаша, бабушка, матушка*, помимо своего основного, традиционно учитываемого словарями значения, имеют еще и дополнительные, культурно-специфические режимы употребления (в частности, в функции обращения), которые должны отдельно описываться в одноязычных и двуязычных словарях. Корпус параллельных текстов оказывается при этом весьма эффективным инструментом.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Е. Г.* Анализ переводческих соответствий на материале параллельного корпуса текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 26–30.
- Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания 6/1997. С. 37–48.
- Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов и литературный перевод // НТИ сер.2, 10/2003. С. 13–18.
- Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов в исследовании лексической семантики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2004». М.: Наука, 2004. С. 179–184.
- Добровольский Д. О.* Еще раз о непереводаемом в переводе (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») // Язык и действительность: Сб. научн. трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 324–334.
- Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А.* Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 263–296.
- Добровольский Д. О., Левонтина И. Б.* 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // Ассерция и негация. Под ред. Н. Д. Аругюновой. М.: Индрик, в печати.
- Добровольский Д. О., Падучева Е. В.* Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* //

- Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 140–146.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые слова русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Михайлов М. Н.* Черная кошка в темной комнате, или можно ли автоматизировать поиск переводных эквивалентов в параллельном корпусе текстов? // *Алфавит: Филологический сборник*. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 181–188.
- Михайлов М. Н.* Частица и целое: к вопросу о поиске соответствий служебных слов в параллельном корпусе текстов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2005»*. М.: Наука, 2005.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
- Bowker L.* Towards a methodology for exploiting specialized target language corpora as translation resources // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 5, 1/2000. P. 17–52.
- Varadi T., Kiss G.* Equivalence and non-equivalence in parallel corpora // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 6 (Special Issue), 2001. P. 167–177.